

Невоструева Антонина Федоровна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
и связей с общественностью
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
dom-hors@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В 20–40-Е ГГ.

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы формирования информационно-коммуникационного пространства СССР. Анализируется изменение характера коммуникации, когда на первый план выходили методы массового порядка, связанные с вовлечением в политические процессы большого количества людей, что расширило рамки самого коммуникационного пространства страны. Выявляется противоречивая роль российской интеллигенции, сложные взаимоотношения с церковной организацией. На основе эмпирического анализа и конкретных исследований показаны перемены в социальном содержании информационно-коммуникационного пространства, что позволило к началу 40-х гг. создать эффективную модель взаимодействия в обществе. Выявлены общие и особенные черты советской модели информационно-коммуникационного пространства.

Ключевые слова:

коммуникация, агитация и пропаганда, Советская Россия, СССР, Советы, гражданская война, НЭП, борьба с неграмотностью, образование, печать, цензура, информация.

Nevostrueva Antonina Fedorovna

PhD in Social Science,
Assistant Professor of the Foreign Languages
and Public Relations Department,
Perm National Research Technical University
dom-hors@mail.ru

FORMATION OF THE SOVIET MODEL OF INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE IN 1920–40-S

Summary:

The article covers questions of information and communication space formation in the USSR. It analyzes change of the communication type, when mass order methods came to the fore, involving lots of people into political processes, which extended the communication space of the country. The author discusses contradictory role of the Russian intelligentsia and complicated relations with the ecclesiastical organization. Basing upon the empiric analysis and specific researches the author registers changes in the social content of the information and communication space allowing by the early 1940-s formation of the efficient model of social interaction. The article distinguishes general and specific features of the Soviet model of information and communication space.

Keywords:

communication, agitation and propaganda, Soviet Russia, the USSR, Councils, Civil War, NEP, eradication of illiteracy, education, press, censorship, information.

Победа Советов в дни Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде открыла в истории российской государственности новую страницу – существование Советской России, а с 1922 г. – СССР. Эти события становятся самыми значимыми, породившими эпоху новейшей мировой истории. Впервые на европейском континенте возникает государство нового типа, оказавшее огромное революционизирующее воздействие на судьбы народов и государств. Становление державы, преемницы традиций Российской империи, а затем и создательницы цивилизации нового типа, с самого начала формировало новые черты содержания и структуры информационно-коммуникационного пространства страны, влияющего на остальной мир.

Втянув в водоворот преобразований бесчисленные массы людей, значительная часть которых имела низкий уровень элементарной грамотности и находилась в русле традиционной (аграрной) культуры и патриархального образа жизни, новая власть стала решать насущные проблемы городов и деревень, отвечающие интересам большинства страны: ликвидация помещичьего землевладения; создание нормальных социальных условий для пролетариата; статус женщины; установление равноправных отношений между всеми нациями и народностями многонационального российского государства; скорейший выход страны из тягот Первой мировой войны и др.

Масштабность преобразований, необходимость разъяснения их смысла широким слоями населения и громадные, по сравнению с Западной Европой, территории создавали объективные предпосылки для преобладания в информационной работе *методов и средств массовой коммуникации в публичных формах*. Агитация и пропаганда становятся органичной частью всего комплекса мер влияния на общественность: митинги, демонстрации, лекции, популяризация проводимых мероприятий с помощью монументальной и оперативной наглядной агитации; со-

здание новых советских обрядов и праздников; появление литературы нового содержания (поэзия, проза, песенное искусство, драматургия); широкое использование возможностей кино и др. Все эти преобразования налагали отпечаток на изменение характера проводимых мероприятий. На смену элитарности, камерности, лиричности приходят массовость, публицистичность и наступательность.

В то же время преобладание открытых форм воздействия на массовое сознание приводило к авторитарности, недооценке значения научного подхода к коммуникации, многозначности и противоречивости социального взаимодействия между людьми. Буржуазия и дворянство пытались использовать против новой власти методы насильственного характера, чтобы парализовать властные структуры, чиновники саботировали выполнение своих прямых обязанностей, организовывались военные заговоры, в ход шли экономические меры, направленные на углубление дестабилизации страны, за границу вывозился капитал и др.

В основе своей по смыслам это были первые зерна, знаковые аспекты будущего всеобъемлющего противостояния, принявшего вооруженные формы гражданской войны.

К строительству нового государства на основе Советов, в реальную политику была привлечена значительная часть представителей рабочих и крестьян. Решалась проблема приобщения к управлению производством рабочего класса, вопросы политической, экономической и бытовой эмансипации женщин, отделение церкви от государства и школы, изменения системы образования и др. Но все эти преобразования происходили, в большинстве случаев, спонтанно, приводили к серьезным системным ошибкам и «благоглупостям» и даже к человеческим трагедиям, особенно среди интеллигенции.

С нашей точки зрения, для понимания логики дальнейшего развития информационно-коммуникационного пространства страны содержательное значение имеют два обстоятельства. *Во-первых*, принципиально иные отношения между властью и церковью. Создавался тип государственного устройства, основанного на светском характере, естественным для Западной Европы, но особенным для нашей страны. Как известно, проведенная Петром I в начале XVIII в. церковная реформа, ликвидировавшая патриаршество, поставила церковь не только в полную зависимость от государства, но и превратила ее в часть системы государственного управления, где церковь играла роль главного идеолога самодержавного строя. Кроме того, отделение церкви от государства и от школы лишало священнослужителей и членов их семей, численность которых в начале XX в. составляла почти 1 млн. человек, материальных средств к существованию [1, с. 10]. На их содержание, вместе с монастырями и насельниками, только в 1910 г. государство выделяло более 34 млн. руб. [2, с. 86]. Если к этой сумме прибавить доходы, получаемые духовенством от преподавания в учебных заведениях всех уровней Закона Божьего, то священнослужителей ожидал принципиально иной уровень доходов. В связи с этим уже с самого начала формирования государства нового типа, православная церковь, отстаивая свои экономические интересы и желание оставаться ключевым идеологическим институтом влияния в информационно-коммуникационном пространстве страны, выступила активным противником Советской власти.

Во-вторых, интеллигенция страны переживала сложный период своего самоопределения: на чьей стороне оставаться? Некоторая часть сразу выразила свою симпатию новой власти, и принимала самое активное участие в реализации первых декретов Советов. Это было низовое звено сельской интеллигенции земских учреждений деревни: учителя, медицинский персонал, ветеринары, деятели кооперативного движения, агрономы и др.

Выжидательную позицию занимали юристы, учителя, преподаватели средних и высших учебных заведений, городские врачи, особенно занятые частной практикой, деятели выборных органов местного самоуправления, творческая интеллигенция. Новая власть в начале только декларировала свои планы, они не подкреплялись соответствующим финансированием. К тому же, проводя новую социальную политику по улучшению условий жизни городской бедноты, Советы прибегали к крайне непопулярным мерам с точки зрения обеспеченной части населения. В частности, это касалось жилищной политики, введения бесплатной медицинской помощи, обязательного бесплатного начального образования, равных прав обучения в средних и высших учебных заведениях и др.

Сложнее обстояло дело с интеллектуальной элитой, зажиточной части российского общества. Сталкиваясь в реальности с представителями новых властных структур, «не блиставших» элементарной культурой, переживая слом устоявшегося быта и высокооплачиваемой работы, они становились в ряды противников Советской власти, принимали активное участие в организации саботажей, противостоянии, в деятельности различных заговорщицких организаций и др.

Развернувшаяся в Советской России к лету 1918 г. широкомасштабная гражданская война, чрезвычайная политика «военного коммунизма», последующие военные перипетии, гро-

материальные и людские потери в ходе этой войны деформируют структуру и само содержание информационно-коммуникационного пространства.

Военное противостояние в общественном сознании формировало психологический стереотип: *«кто не с нами – тот против нас»*, исключая мирный диалог взаимодействия и поиск путей взаимопонимания противоборствующих сторон. Средства массовой информации наполнялись материалами, описывающими события с агрессивным, трагическим подтекстом, формирующим протестное настроение и ожесточенность. Большое распространение получила форма манипуляции информацией: слухи, публикации ложных фактов, причем, эти методы применялись обеими сторонами.

В ходе организационной централизации, усиления действенности пропаганды и агитации новая власть создает структуры, наделенные определенными властными полномочиями. Появляются агитпропы в армии, отделы пропаганды и агитации в советских учреждениях: в июне 1920 г. отдел Агитпропа ЦК РКП (б); в ноябре 1920 г. – единая государственная структура – Главный политико-просветительский комитет республики (Главполитпросвет) при Народном комиссариате просвещения. Важно обратить внимание на сходство ключевых приемов и методов работы этого периода Советского государства с общеевропейскими институтами влияния Англии, Франции, Германии, где аналогичные организации были созданы еще в ходе Первой мировой войны. Тем самым институционализация информационно-коммуникационного пространства Советской России отражала мировые тренды работы с информацией в государственной политике.

С нашей точки зрения, самым интересным и содержательным периодом создания разнообразных организационных форм информационного и коммуникационного содержания в условиях проведения новой экономической политики Советского государства являются 20-е гг.

Многоукладность экономики, включение в нее частного капитала в городе и деревне, развитие товарно-денежных отношений, поиск адекватного отражения нового времени, эти и другие события приводили к многообразию взглядов, идеологий, созданию большого числа организаций различной направленности, имеющих свою целевую группу общественности. Модерн как отражение многомерности внутреннего мира человека и неоднозначности окружающей действительности проникал в жизнь нового общества в полной мере, принимая, подчас, экстравагантные формы. Особенно ярко этот процесс проявлялся в художественной жизни столичных центров [3, с. 217–223].

Деятельность многочисленных организаций творческой интеллигенции, подчас остро соперничающих друг с другом, давала возможность самовыражения целым поколениям. Основной идеей различных движений являлась свобода личности, освобождающейся от прежних нормативов поведения и морали. На этом пути, естественно, были свои приобретения и потери, формировались новые ценности и убеждения. Новая власть не нуждалась в прежних рафинированных интеллигентах, сомневающих в возможностях радикальных преобразований, – поэтому с облегчением, с надеждой на освобождение от инакомыслящих, наполнялись знаменитые *«философские парходы»*, увозившие из страны представителей интеллектуальной элиты: И. Ильина, М. Ильина (Осоргина), Н. Бердяева, С. Трубецкого, Л. Карсавина и мн. других. Всего в начале 20-х гг. по обвинению в контрреволюционной деятельности и вредном влиянии на умонастроения народа из страны было выслано около 80 человек (хотя первоначально в списке фигурировало в два раза больше).

В 20-е гг. складывается определенная организационная структура творческих направлений, отражавших их будущую трансформацию в общесоюзные объединения: от крайне левого амбициозного течения, создавшего знаменитый Пролеткульт, и до авангардных, – носивших эпатажный характер, клубов и союзов (среди которых можно выделить знаменитый ленинградский ОБЭРИУ *«Объединение реального искусства»* [4]). Среди них выделялись организации, пользующиеся авторитетом и поддержкой государства: АХРР (Ассоциация художников революционной России); ОРС (Общество русских скульпторов); ОСА (Объединение советских архитекторов) и ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей). Аналогичные структуры появляются в национальных регионах страны, способствующие формированию местной национальной творческой интеллигенции.

Несомненным достижением 20–30-х гг. являлось два важных события, оказавших весомое влияние на социальный смысл расширяющегося информационно-коммуникационного пространства СССР. *Во-первых*, эффективность последовательной политики государства по ликвидации массовой неграмотности взрослого населения и формирование общегосударственной системы образования. Созданные в 1919 г. Чрезвычайная комиссия по борьбе с неграмотностью и в 1923 г. организация *«Долой неграмотность»*, оказались эффективными инструментами массовых мероприятий на конкретных территориях, направленных на решение проблемы неграмотности. Динамика роста грамотности населения страны от 9 до 49 лет выглядела сле-

дующим образом: в 1920 г. умеющих читать насчитывалось 31,9 %; в 1926 г. – 56,6 %, а к 1939 г. достиг 87,4 % [5, с. 83–98].

Большой объем работы по ликвидации неграмотности и малограмотности лег на плечи школ: в 1920/1921 уч. г. в стране действовало 39 834 школ, где обучалось около 1 млн. 124 тыс. человек, в 1930/1931 уч. г. число таких школ увеличилось до 158 191, обучающихся около 4,5 млн. человек [6, с. 19–20].

Важную роль сыграли различные виды самообразования взрослых, зарекомендовавшие себя еще в дореволюционный период: народные университеты, народные дома, образовательные курсы и др. В советское время к ним органично присоединились рабочие факультеты, школы-клубы, школы рабочей молодежи. Все это стало основой для создания в конце 30-х гг. системы базового обучения взрослых: вечерние и заочные школы, школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), техникумы, рабочие и крестьянские вечерние университеты [7, с. 32–37]. К ним необходимо прибавить общеобразовательные (начальные и средние), профессиональные школы, высшие учебные заведения (университеты, институты). В 1928 г. их число составило соответственно: 118 184; 5992; 129, в которых обучалось 11 млн. 373 тыс.; 639 тыс.; 158 тыс. человек [8, с. 878].

К началу 40-х гг. общеобразовательная система охватила практически всех детей школьного возраста. Так, в Пермской области эти цифры можно сравнить с показателями, достигнутыми в Пермской губернии, бывшей одной из самых благополучных земских территорий Российской империи в области образования. В 1915 г. количество начальных школ насчитывалось 1 087, где обучалось около 98 тыс. детей (подсчеты касаются только уездов будущей Пермской области) [9, с. 185–208]. В 1940 г. число школ увеличилось до 2 197, а количество учеников составило почти 370 тыс. [10, с. 212–213].

Все эти и другие показатели свидетельствуют о новом социальном качестве информационно-коммуникационного пространства страны рассматриваемого периода.

Во-вторых, на содержание коммуникации непосредственное влияние оказала борьба за лидерство в руководстве страны, начавшаяся в 20-е гг. (связанна с болезнью и смертью В.И. Ленина). Эта ситуация также отражала неоднозначное отношение советского общества к НЭПу. Можно выделить три основные позиции, со своей социальной базой и собственными лидерами. Значительная часть населения считала введение новой экономической политики поражением социализма и реставрацией капиталистических отношений, что отражалось обыденным сознанием людей в мнениях: «*Ради чего свершилась революция в октябре 1917 г. в России?*», «*За что боролись в гражданскую войну?*». В основном это были воззрения людей, не нашедших своего места в новых экономических условиях, сторонников психологии «*военного коммунизма*» и командных методов управления. Именно данная часть населения выступала за немедленную отмену НЭПа, а выразителем таких настроений стала политическая позиция Л.Д. Троцкого и его сторонников в партийном и государственном руководстве.

Не менее распространенной, но более влиятельной являлась точка зрения относительно того, что НЭП – тактическая, временная, вынужденная уступка капитализму и, как только создадутся благоприятные условия, эта политика будет отброшена. Основным идеологом данного подхода был И.В. Сталин.

Существовал еще один подход к НЭПу, изложенный В.И. Лениным в его последних работах, сформулированный просто: «*НЭП – это всерьез и надолго*» [11, т. 44, с. 311]. В.И. Ленин считал новую политику не только важным инструментом гармонизации отношений между городом и деревней, государством и крестьянством (в этом был первоначальный смысл изменения курса пролетарского государства), но и как вариант перехода к социализму через систему взаимодействия и сосуществования всех форм собственности, и постепенного «*вращения*» страны в новые социалистические отношения.

Однако в начале 30-х гг. экономические рычаги НЭПа постепенно заменяются административно-командной системой управления, и, тем самым, заканчивается процесс выбора модели развития страны на целые десятилетия.

Многие современные исследования, особенно публицистического, политизированного подхода, заостряют внимание на психологических аспектах утверждения режима личной власти Сталина в жизни страны 30–40-х гг., другие выясняют роль его единоличного контроля над карательными органами государства, некоторые пытаются найти причины деформаций в менталитете, повседневной жизни людей за счет «*демонического*» влияния личности Сталина, исторических традиций царской самодержавной власти и т.д. Представляется, что при всем внимании к этим аргументациям, из вида ускользает весьма существенный элемент, выходящий за рамки советского государства, но отражающий смысл общего направления мировой истории – мировой кризис 1929–1934 гг. и становление новой модели развития, основанной на принципах

государственного регулирования. Именно в это время создаются американская, шведская, германская модели, определившие облик всего мира до рубежа 60–70-х гг. Советская модель государственного регулирования в наибольшей степени соответствовала этой мировой тенденции, и доказала высокую эффективность и схожесть мероприятий. Не случайно, введение «*Нового курса*» президента США Ф. Рузвельта в 1933 г. вызвало такую яростную критику и обвинения в том, что «*Рузвельт вводит социализм в США*».

Важно обратить внимание на тот факт, что в этот период используются все возможности манипулятивных массовых форм пропаганды и агитации, а также ключевой канал влияния на общественное мнение, получивший в современной терминологии название «*административный ресурс*». В его действительности важнейшую роль сыграла административно-территориальная реформа СССР 1923–1929 гг., заменившая прежнее деление страны на губернии, уезды, волости новыми образованиями: республики, края, округа, районы.

К концу 1929 г. борьба за лидерство завершилась победой Сталина, начинает формироваться идеология культа личности вождя, складываются основные черты советской модели информационно-коммуникационного пространства, действовавшей в нашей стране до середины 50-х гг. Несомненно, что в этот процесс внесли свою «*лепту*» и страны Запада, способствующие внедрению психологического стереотипа относительно СССР как «*осажденной крепости*».

Все вышеизложенные обстоятельства весьма сложны и противоречивы для осмысления, но они, безусловно, не могли не влиять на содержание информационно-коммуникационного пространства, наполненного борьбой за выживание страны во враждебном окружении. Информационная политика подпитывала высочайшие темпы индустриализации, создание необходимой материальной базы оборонной промышленности, содержала идеологию оправданности мер насильственной коллективизации в деревне в начале 30-х гг.

В период 30-х гг. складывается общегосударственная система цензуры тотального характера, охватывающая все стороны жизни общества, особенно в идеологической и культурной сферах, где устанавливается сталинская интерпретация марксизма и теоретического наследия В.И. Ленина [12]. Разнообразие точек зрения заменяется единообразием, всякие попытки объективного научного анализа общественной жизни решительно пресекались.

При всех противоречиях и трагических проявлениях времени, жизнь в стране развивалась, информационно-коммуникационное пространство наполнялось новым содержанием. В частности, расширялась система образования, о чем мы упоминали выше, появлялись новые каналы коммуникации: была создана уникальная, не имевшая аналогов в мире, общегосударственная система проводного радиовещания (к 1940 г. в стране действовало 77 радиовещательных станций, охватывающих, практически, всю территорию СССР); формировалась широкая система культурно-массовых учреждений: библиотек (более 86 тыс.); клубов, Домов культуры, изб-читален (более 111 тыс.); 382 парка культуры и отдыха; в 1939 г. выходило 8 780 газет, 1 592 журнала общим тиражом более 7,5 млн. экземпляров, только в этом году было издано 43 758 названий книг, тираж которых составил 781 тыс. экземпляров; действовало 787 театров и 90 цирков; около 31 тыс. киноустановок (с 1933 г. получает распространение звуковой кинематограф), более половины из них находилось в сельской местности, около 76 % районных центров имели стационарные кинотеатры [13, с. 184–205; 258–261]. Массовым становится создание на всех киностудиях страны фильмов позитивного содержания: в год в среднем выпускалось до 60 полнометражных фильмов, среди которых можно отметить наиболее популярные в обществе: «Цирк», «Трактористы», «Человек с ружьем» и др. Тем самым к началу 40-х гг. информационно-коммуникационные каналы становятся общедоступными.

Таким образом, в 20–40-е гг. Советским Союзом преодолевается культурное отставание от развитых стран мира по основным количественным параметрам коммуникационных средств, что позволило создать модель информационно-коммуникационного пространства и управления общественными отношениями, сопоставимыми с развитыми государствами мира. Отличительными особенностями советской модели являлись: массовость, общедоступность и разнообразие всех источников информационного влияния; социальная направленность; централизация системы управления; идеологизация содержания информации; преимущественное использование приемов прямой пропаганды и агитации; установление контроля (цензуры) над содержанием и направлением развития информационно-коммуникационного пространства; недопущение обнародования альтернативных точек зрения на пути и средства, идеологию дальнейшего развития страны. Как свидетельствует история, используемые методы подачи информации влияли на формирование патриотизма населения, сыгравшего важную роль в тяжелые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и нелегкий период послевоенного восстановления страны.

Ссылки:

1. Статистический ежегодник России: 1913 г. СПб., 1914.
2. Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912.
3. Ильина Т.В. История искусств. Отечественное искусство. М., 2000.
4. Логос. № 4. 1993.
5. Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР: историко-статистические очерки. М., 1964.
6. Котомкина Е.А. Из истории народного образования в России в 1917-1932 гг. Тверь, 2002.
7. Образование взрослых на рубеже веков: вопросы методологии, теории и практики. В 4-х томах. СПб., 2000. Т. 1. Социально-экономические и правовые предпосылки развития образования взрослых. Книга 1. История развития образования взрослых в России.
8. Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929.
9. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии за 1916 год. Издание секретаря Пермского губернского статистического комитета Н.А. Иванова. Пермь, 1916.
10. Культурное строительство РСФСР. Статистический сборник. М., 1958.
11. Ленин В.И. ПСС. Т. 44.
12. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001 ; История советской политической цензуры: Документы и комментарии / отв. сост. Т.М. Горяева. М., 1997 ; Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. СПб., 2001–2011. Вып. 1–5.
13. Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М.;Л., 1940.

References:

1. *Statistical Yearbook of Russia: 1913 1914*, St. Petersburg.
2. Rubakin, NA 1912, *Russia by the Numbers: Location. People. Class. Classes. Experience the statistical characteristics of caste and class composition of the population of the Russian state*, St. Petersburg.
3. Iliina, TV 2000, *Art History. Domestic arts*, Moscow.
4. *Logos* 1993, no. 4.
5. Bogdanov, IM 1964, *Literacy and education in pre-revolutionary Russia and the USSR: historical and statistical descriptions*, Moscow.
6. Kotomkina, EA 2002, *From the history of public education in Russia in 1917–1932*, Tver.
7. 'Socio-economic and legal preconditions for the development of adult education' 2000, Book 1. History of the development of adult education in Russia, vol. 1, *Adult education at the turn of the century: questions of methodology, theory and practice. In 4 volumes*. St. Petersburg.
8. *Statistical Handbook of the USSR in 1928 1929*, Moscow.
9. *Location-based calendar and reference book for the province of Perm in 1916. Publication of the Secretary of the Perm Regional Committee NA Ivanov* 1916, Perm.
10. *Cultural construction of the RSFSR. Statistical Compendium* 1958, Moscow.
11. Lenin, VI 2013, *Work*, vol. 44.
12. Zhirkov, GV 2001, *The history of censorship in Russia XIX–XX centuries*, Moscow; Goryaeva, TM (ed.) 1997, *History of the Soviet political censorship: Documents and comments*, Moscow; *Censorship in Russia: Past and Present: Scientific works*. St. Petersburg., 2001–2011. MY. 1–5.
13. *Cultural construction of the USSR. Statistical Compendium* 1940, Moscow, Leningrad.